

УДК 947(471.62)
ББК 63.3(2РОС235.7)
М 125

Редакционная коллегия:

Н.Е. Берлизов - канд. ист. наук (отв. редактор), А.Н. Еремеева - доктор ист. наук, профессор; В.В. Бондарь - канд. ист. наук, генеральный директор Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына

М 125 Магистериум. Сборник научных трудов аспирантов и студентов кафедры истории и музееведения. Вып. 2.
– Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2004. – 132 с.

УДК 947(471.62)
ББК 63.3(2РОС235.7)

© Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2004

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КРАСНОДАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

МАГИСТЕРИУМ

Вып.2

*95-летию со дня рождения профессора
Н.В. Анфимова посвящается*

Краснодар
2004

- осенью 1995 г. // *Крупновские чтения XIX (тезисы докладов), 1996.*
2. Кузнецов В.А. Алания в X – XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
  3. Куликова О.П., Трифонов В.А. Как сохранить дольмены // *Дольмены. Современники древних цивилизаций. Краснодар, 2001.*
  4. Лавров Л. И. Дольмены Северо-западного Кавказа // *Тр. АБИЯ-ЛИ, Вып. XXXI, Сухуми, 1960.*
  5. Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа, 1978.
  6. Марковин В. И. Дольмены Прикубанья и Причерноморья. М., 1997.
  7. Мегалитические памятники республики Адыгея. Майкоп, 2001.
  8. МАК, IX. М., 1904.
  9. Пьянков А. В. Отчёт о разведках в Северском районе Краснодарского края в 1988 г. // *Научный архив КГИИМЗ, д. № 484.*
  10. Сысоев В. М. Археологическая экскурсия по Закубанью // *МАК, IX. 1904.*
  11. Фелицин Е. Д. Западно-Кавказские дольмены // *МАК, IX. 1904.*
  12. Харченко В. Вандалы не пожалели последний дольмен Убина // *Газета «Зори» от 17 мая 2003.*

Схатум Р.Б.

О НАЗНАЧЕНИИ ВЫРЕЗОВ У РУКОЯТИ НА КИНЖАЛАХ V-VII ВВ.

Данный вид оружия является одним из уникальных для эпохи средневековья и до сих пор вызывает оживленные дискуссии среди исследователей. Основная проблема состоит в вопросе о назначении вырезов у рукояти.

На Северо-Восточном побережье Черного моря кинжалы с вырезами встречаются в погребениях V - VII вв. н.э. 9 таких кинжалов встречено в мог. Сопино [1, с. 102-103, рис. 10, 4, 5], 18 – в мог. Бжид-1* [14], 26 – в мог. Дюрсо [16, с. 91; 7, рис. 1, 15; 3, 15; 10, 2], в Агойском [11, с. 94], 7 – в Борисовском [15, с. 125]. Известны они и при случайных находках в бассейне р. Кубань: в пос. Пашковский, ст. Ново-Корсунская, пос. Курджипский, с. Молдавановское [12, с. 163, рис. 2; 18, табл. XII, 6; 1, с. 103; 17] и в других местах. Таким образом, на территории Северо-Западного Кавказа найдено, только по неполным данным, около 70 экземпляров данного вида оружия.

Некоторые из исследователей (М.Б. Щукин, А.Н. Порох и др.) считают данный кинжал вспомогательным видом оружия, служившим для захвата клинка противника как раз с помощью данных вырезов. По их мнению, такой кинжал держали в левой руке и использовали в качестве *даги* – кинжала для левой руки, в дополнение к мечу [19; 13, с. 120]. Однако проведенные исследования позволяют опровергнуть

эти доводы. Вырезы не могли служить для захвата клинка противника по ряду причин. В первую очередь, следует отметить близкое расположение вырезов к рукояти, а следовательно, рядом с рукой воина. Если принять во внимание версию М.Б. Щукина, то попытка «поймать» в эти врезы клинок противника, неминуемо привела бы к ранению кисти руки бойца. Таким образом, само их расположение и отсутствие какой-либо защиты кисти руки (перекрестия, гарды) делают эту версию М.Б. Щукина не корректной с военной точки зрения, да и просто противоречащей логике. Применявшиеся в Европе в XV – XVI вв. *даги*, приведенные в качестве аналогии данным кинжалам, всегда имели перекрестия с очень длинными «плечами». Фехтовали ими и «ловили» клинки противника в перчатках. В дальнейшем такие *даги* модернизировали не просто для перехвата и отражения клинка противника, но и для его захвата с целью сломать клинок. В частности в Англии такой ломатель шпаг имел вырезы с одной стороны клинка и почти по всей его длине от рукояти до острия. Вырезы эти были очень глубокими, врезааясь в клинок более чем на половину его ширины. По краям вырезов располагались еще и треугольные зубцы – выступы, чтобы противнику было тяжелее освободить свой клинок во время захвата [10, с. 32]. В то же время, вырезы же у рассматриваемого здесь оружия, судя по их форме и размерам, были просто не приспособлены для захвата клинка. Они неглубокие, прямоугольной формы. При этом не следует забывать, что если воины и «фехтовали» в V-VII вв., то не узкими шпагами, а довольно широкими мечами (ширина мечей этого времени в средней части достигает около 3,5-4,5 см, для сравнения, глубина вырезов на кинжалах в среднем равняется 7-8 мм, а ширина – 3-4 мм). Тем более, что сами мечи были колюще-рубящим оружием в отличие от шпаг и служили в первую очередь для рубки.

Насчет использования данного кинжала как вспомогательного к мечу оружия следует сказать, что данная гипотеза не подтверждается никакими фактами. А если исходить из анализа погребального инвентаря, то оказывается, что сами мечи в погребениях встречаются очень редко. Например, в мог. Бжид-1 из 15 погребений с такими кинжалами только в одном (п. 13) было встречено 2 меча (один из них однолезвийный). Еще в одном (п. 100) [14] было что-то похожее на однолезвийный меч небольших размеров (длина – 52 см), тем не менее, по форме это оружие напоминает очень длинный боевой нож, неизменный спутник кинжалов с вырезами у рукояти в погребении (за редким исключением). В Сопино из 9 погребений с кинжалами – в одном (п. 11) был и меч [1, с. 102, рис. 10, 2]. В Борисовском могильнике на 4 погребения с «кинжалами» только в одном (п. 30) был меч [15, с. 125, рис. 15 и 17]. В могильнике Дюрсо мне пока так же известно

лишь два погребения из 26, где были найдены вместе и меч и «кинжал» с вырезами у рукояти [8, рис.5, 45 и 46; 9, табл. 82, 32 и 36]. Как видно из вышеприведенного, меч был довольно редким видом оружия у населения, оставившего эти могильники, а не основным и, на мой взгляд, его положение в могилу выделяло, скорее всего, военого вождя. Возможно, также что такие воины были своего рода «десятниками», т.к., в среднем на каждые десять погребений с такими «кинжалами» приходится одно погребение с мечом. В любом случае, погребения с мечами безусловно выделяются как захоронения воинов-предводителей. Тем не менее, следует отметить, что в погребение могли класть не все оружие которое сопровождало воина при жизни, однако доказать или опровергнуть это на сегодня, ввиду отсутствия письменных источников и изобразительного материала затруднительно. В любом случае, у нас нет пока никаких оснований считать данные кинжалы вспомогательным видом оружия, как это делает М.Б. Щукин [19]. Скорее наоборот, судя по частоте их встречаемости в погребениях, этот вид вооружения был основным в паноплии воинов, оставивших такие могильники, как Борисовский, Сопино, Бжид, Агойский и др.

Из этого ясно следует то, что вырезы на кинжалах не приспособлены для захвата клинка противника и маловероятно, что были вспомогательным оружием для меча. Они также не могут являться креплением деревянных или бронзовых перекрестий, как считают ряд исследователей [4, с. 205; 18, с.36 и др.], т.к. ни одного перекрестия ни в месте, ни отдельно, ни их отпечатков на металле достоверно не зафиксировано. Таким образом, данные версии и гипотезы о вырезах, служивших для крепления перекрестия или для захвата клинка противника не имеют под собой сколько-нибудь надежных оснований.

Нужно остановиться на тех фактах которые действительно свидетельствуют в пользу того, что это оружие являлось кинжалами. В первую очередь - это их кинжальная форма и широкий дол, проходящий обычно через весь клинок, что характерно в целом для клинкового оружия, в частности, мечей, кинжалов. Кроме того, известны находки мечей с аналогичными вырезами у рукояти, как например, в кургане у сел. Кишпек, в сарматских погребениях Северо-Восточного Кавказа [2, с.118, рис.2, 2; 4, с. 92, рис.41, 1, 2, 3, 4]. Но ряд фактов все же заставляет думать, что эти кинжалы относятся к древковому оружию:

Во-первых – это их расположение в погребении. Во всех без исключения ингумационных погребениях кинжалы всегда расположены у головы костяка, нередко прямо на плече, параллельно ему, острием вверх и черенком к ногам, как обычно кладут наконечники копий. При

этом встречаемые в этих же самых погребениях мечи, кинжалы без вырезков и ножи всегда расположены наоборот - лезвием к ногам покойного, а черенком к голове. Этот факт не является случайностью и сразу же бросается в глаза при просмотре десятков погребений с этим видом оружия. Таким образом, кинжалы располагаются там, где обычно кладут наконечники копий и в таком же положении.

Во-вторых, вместе с этими кинжалами ни разу не были встречены наконечники копий. Например, в Сопино копия найдены лишь в двух погребениях – во 2 и 12 [1, рис. 10, 6 и 7] - как раз в тех, где были найдены кинжалы без вырезков (здесь и далее подчеркнуто мной – Р.С.).

В-третьих, вместе с кинжалами без вырезков нередко находят остатки металлических деталей ножен [1, рис. 10, 3], в то же время их остатки ни разу не были обнаружены рядом с кинжалами с вырезами у рукояти (Борисовский, Бжид, Сопино, Агойский и др. могильники).

В-четвертых, для крепления мечей и кинжалов без вырезков у рукояти, в черенке, ближе к его концу, пробивали отверстие. Рассматриваемые кинжалы имеют вырезы только у рукояти, но не имеют отверстия в черенке, как другое клинковое оружие это времени. Если же их использовали как клинковое оружие, а следовательно к черенку крепили рукоять, то тогда возникает логичный вопрос: Зачем древним кузнецам нужно было делать вначале два, а позднее четыре, выреза у рукояти, вместо отверстия в черенке, тем более что последнее было быстрее и проще пробить в черенке, нежели сделать вырезы? Отметим, что отверстие в черенке было вполне достаточным для надежного крепления к нему с помощью заклепки деревянной рукояти, даже на мечах, где давление на рукоять было несколько большим, чем у кинжала, при той же длине рычага (рукояти), но при разной длине и веса клинка. По-видимому, отверстия в черенке было недостаточно и к тому же неудобно для крепления к нему древка. Для этого требовалось более надежное и в то же время удобное крепление, для чего и делались вырезы на нижней части клинка.

Крепление кинжала к древку происходило следующим образом (рис. 1, а). На одном конце древка, диаметром где-то 3-3,5 см, с помощью ножа делался продольный вырез, примерно равный толщине кинжала. В такой вырез черенком вниз вставлялся кинжал, так что обе половинки раздвоенной части древка заходили в среднем на 4-5 сантиметров выше уровня расположения вырезков на основании клинка. В целом, кинжал заходил в древко на треть или даже на половину всей своей длины (в зависимости от его общей длины и отдельно - длины лезвия и черенка, и соотношения длины клинка и черенка). Судя по следам дерева, на нижней части клинка сами вырезы и ниж-

няя часть лезвий оставались открытыми, так, что древко заходило только на нижнюю часть дола в основании клинка. Таким образом получался большой захват площади. Крепилась деревянная часть, по-видимому, с помощью узких кожаных ремешков, проходящих через вырезы. Для большей прочности крепления на внешней части раздвоенных концов, на уровне вырезов кинжала, скорее всего, делались неглубокие дополнительные вырезы, через которые проходили вышеуказанные ремешки. Плотное прилегание с двух сторон половинок древка к долу лезвия создавало определенный упор и трение, что не позволяло кинжалу вылезти в боковые щели раздвоенного древка, а сами вырезы надежно фиксировали «кинжал» в деревянной части, создавая как бы одно целое с ним. Для большей прочности, ремешками обматывалось место под вырезами – в районе непосредственного стыка древка и черенка (см. рис. 1а). Данное крепление в чем-то схоже с креплением кремневых наконечников копий в эпоху камня, только в более совершенном виде, то есть вместо камня использовалась металлическая боевая часть. Таким образом, назначение вырезов состояло, прежде всего, в надежной фиксации «кинжала» в древке. Например, при ударе о щит или доспех противника (или обо что-то очень твердое) он мог «уйти» дальше в древко, которое могло в результате этого треснуть и разломаться, одним словом, вывести оружие из строя, или же, наоборот, чтобы не вышло из древка, застряв, например, в теле или в защитном вооружении воина. А как уже было сказано выше, данный вид оружия, у племен, оставивших указанные могильники, был, по-видимому, основным наступательным вооружением. Длина такого копья была относительно небольшой – на несколько сантиметров больше роста воина, то есть около 170-185 см (рис. 1б).

Как известно, более ранние кинжалы (как и единичные находки мечей) имеют всего 2 выреза у рукояти (по одному с каждой стороны). Позднее их сменяют кинжалы с 4 вырезами (по 2 с каждой стороны), что, по-видимому, отражает модернизацию крепления (эволюцию) у данного вида оружия, т.к., четыре выреза обеспечивали более надежное крепление боевой части к древку, нежели два. Находки же мечей с двумя вырезами (с четырьмя – неизвестны) в ранних комплексах, опять же не исключают данной гипотезы, т.к. данное крепление подходит как под длинное древко, так и для фиксации рукояти меча, т.к. по своей сути вырезы были более универсальным и надежным креплением деревянной части, в данном случае – рукояти. Одним словом – одно другого не исключает. Сами же «кинжалы» являются более упрощенными вариантами наконечников копий, т.к. черенок проще выковать, чем втулку. Возможно, этим и объясняется отсутствие «клас-

сических» наконечников копий в погребении с рассматриваемым здесь оружием, так как последнее их просто заменяло.

В любом случае, фактически не приходится сомневаться в том, что данные «кинжалы» являются вовсе не кинжалами, как до сих пор было принято считать, а обоюдоострым наконечником небольшого копья. На это указывают ряд выше приведенных фактов. С древковым оружием независимо от моей гипотезы связывают «кинжалы» и некоторые другие исследователи [5, с.192].

Такое копье использовалось, по-видимому, в основном в пешем строю, на что указывает тот факт, что ни в одном погребении с этим видом оружия в ряде могильников этого времени (Борисовский, Сопино, Бжид, Агойский, Небугский) ни разу не было встречено захоронение коня или деталей конского снаряжения. Пожалуй, скорее исключением, чем правилом здесь является захоронение коня № 4 в могильнике Дюрсо [Дмитриев, 1979, с. 212, рис. 1, I], при том учете, что данный некрополь выделяется среди остальных своими особенностями и богатством. Однако следует предположить, судя по инвентарю, что всадниками могли быть воины, захороненные, например, в п. 11 мог. Сопино, в п. 13 – мог. Бжид и в п. 30 – Борисовского могильника. Боевые действия велись относительно небольшими пешими отрядами в горах, где устраивались засады и внезапные нападения, а также на море при абордаже судов противника. И в горных лесах и ущельях, и на небольших пиратских кораблях такие короткие копья-рогатины были удобны в походе, в бою и при абордаже. Находимые, почти во всех погребениях с такими копьями ножи, могли служить вспомогательным видом оружия, например, при рукопашной схватке, или при добывании противника.

Остается пока открытым вопрос об этнической интерпретации погребений этого времени с данным видом оружия. «Кинжалы» и мечи с вырезами у рукояти известны в Северо-Западном Причерноморье, в Восточном Крыму и на Северном Кавказе уже с III-IV вв. н.э. [3, с.252; 18, с. 24, табл. XII, 6; 6, с. 304-306; 13, с. 115-116]. Тем не менее, каково бы ни было в дальнейшем определение этнического происхождения населения, оставившего могильники в Северо-Восточном Причерноморье и бассейне реки Кубань, в любом случае, ясно, что кинжалы с вырезами не местного происхождения и попали и существовали на С-З Кавказе во время «перекройки» карты в эпоху Великого переселения народов. Это утверждение основано, прежде всего, на том, что наиболее ранние экземпляры этого вида оружия были найдены за пределами Северо-Западного Кавказа, а так же на том, что ни до, ни после V-VII вв. их развитие не фиксируется на данной территории. По предположению автора, данный вид оружия мог попасть на Север-

ный Кавказ и в Крым с Востока (возможно, из Китая), в результате движения новых волн кочевников-тюрков в III-IV вв.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Выражаю глубокую благодарность А.В. Пьянкову за возможность использовать в статье неопубликованные материалы из его раскопок могильника Бжид-1.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Анфимов Н.В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // *Северный Кавказ в древности и средние века*. М., 1980
2. Бетров Р.Ж. Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // *Северный Кавказ в древности и средние века*. М., 1980
3. Блаватский В.Д. Харакс // *МИА*. 1951. №19.
4. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа. Грозный. 1963
5. Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Древности V – VII веков // *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV – XIII века. Археология*. М., 2003
6. Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры // *МАИЭТ. Вып.5. Симферополь*.
7. Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // *СА*. 1979. № 4.
8. Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // *Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII веков*. М. 1982
9. Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V – IX веков // *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV – XIII века*. М. 2003
10. Иллюстрированная история оружия. Минск, 1999.
11. Миллер А.А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году // *ИАК*. 1909. Вып.
12. Покровский М.В. Пашковский могильник № 1 // *СА*. 1936. I.
13. Порох А.Н., Пьянков А.В. Кинжалы с вырезами у рукоятки из могильника БЖИД – 1 (хронологический и технологический аспекты изучения) // *Донская археология*. 1999. № 3-4.
14. Пьянков А.В. Отчет о раскопках части грунтового могильника Бжид-1 в Туапсинском районе Краснодарского края в 1990 г. // *Архив ИА РАН. Р-1. №15133*. М. 1990
15. Саханов В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-12 годах // *ИАК*. 1914. Вып.56.
16. Стети Евразии в эпоху средневековья // *Археология СССР*. М.1981.
17. Тарабанов В.А. Отчет о раскопках грунтового могильника в с. Молдавановское Крымского района Краснодарского края в 1989 году // *Архив КГИИМЗ*. № 487.

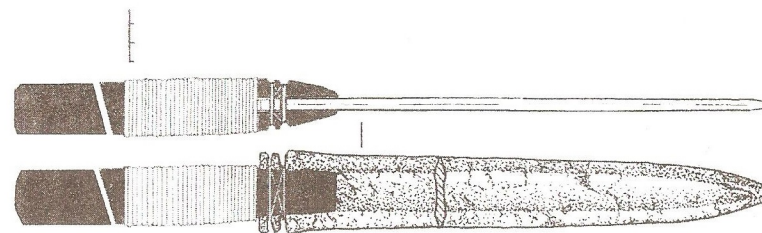

Рис. 1а. Схема крепления «кинжала» к дереву.

Рис. 16. Общий вид реконструкции в виде копия с полным видом дерева.

18. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.
19. Schukin M.B. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains a l'epoque romaine (d'apres l'armement et specialement les umbos de bouclier et les lances), In: *L'arme romain et les barbares du III au VII e.s.* Conde – sur – Noireau). 1993.

Пьянков А.В.

КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ ИЗ РАЗРУШЕННОГО ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА КАЗАЗОВО 2 (АДЫГЕЯ)

Раннесредневековый могильник Казазово 2 был обнаружен и впервые осмотрен сотрудниками Краснодарского музея-заповедника и членами археологического кружка того же музея. Информация о памятнике и подъемный материал из неоднократных сборов были опубликованы в научной печати [8, с. 58, 59; 9, с. 158–165, рис. 46–51]. Впоследствии могильник в течение 2-х лет исследовался археологической экспедицией Краснодарского музея-заповедника под руководством В.А. Тарабанова [14, с. 65, 66]. Материалы, полученные в результате сборов и раскопок могильника Казазово 2, автор раскопок и автор данной публикации неоднократно использовали в своих докла-